

Я был в родном городе проездом, по долгу службы — остановился в небольшой гостинице, кое-как устроился там. Мог, конечно, у друзей или родных заночевать, но ломиться к старым знакомым спустя три года было как-то слишком уж неудобно, а мама, как выяснилось в последний момент, переехала, а куда — не сказала. В городе мне предстояло провести приблизительно три дня, из которых один я планировал полностью посвятить работе и только ей, а в остальные расслабиться и прогуляться по, так сказать, местам былой славы, типа старого двора, в котором играл еще мальчишкой и прочего. Первым делом решено было встретиться с работы маму. Расписание я её знал, путь к больнице, в которой она была медсестрой, смутно вырисовывался в памяти. Заранее вызванивать не стал — решил устроить сюрприз. Три года не виделись, как никак. К слову, стоит описать мою маму: невысокая женщина сорока пяти лет с черными, как смоль, волосами до плеч, зелеными глазами и приличными формами — уж не знаю, как измеряются женские задницы, но грудь её я бы оценил на третий размер, любит юбки в обтяг, шпильки и, самое главное, кружевное белье. К больнице я подъехал приблизительно к восьми часам — обычно в это время мама заканчивала дела и спускалась вниз. Подождав немного на улице, я решил поискать её внутри, дабы шансов разминуться было меньше. Привычно проходя через опущенный турникет я услышал оклик — вахтерша за столиком в отдалении махнула мне рукой, подзывая к себе. — Вы к кому, молодой человек? — Я чертыхнулся про себя: «Поди начнет выпытывать, как, куда, зачем, и тогда я точно мать упусти», но все-же ответил ей: — К Марии Михайловне. Она тут еще? Выражение лица пожилой вахтерши резко исказилось, словно ей под нос ужа сунули, и она пробормотала что-то невнятное, махнув в сторону лестницы. Удивившись такой реакции, я поспешил прочь, пока бабке опять не приспичит задать вопросов.

На удивление, память меня не подвела и кабинет я нашел быстро, даже табличка тут висела с ФИО матери. Дернул ручку — заперто. Ну отлично! Видимо ушла и проскочила мимо, пока меня вахтерша пыталась. Я чуть закатил глаза и уже направился к выходу, когда услышал позади шаги с характерным шелестом бахил. По коридору, шаркая ногами, брел пожилой мужчина в майке и трениках. решив попытать счастья, я уверенно направился к нему, на ходу задавая вопрос — не уехала ли еще мать. И снова подобная реакция, только мужик криво усмехнулся вместо отвращения, но хоть направление указал — заглянуть в ординаторскую кардиологов. Поблагодарив его, я быстрым шагом отправился туда.

Кардиология находилась в самой дальней части корпуса больницы. Больные тут в основном были лежачие: всякие старички после инфарктов и прочие, не особо склонные к брождениям, личности. Мама даже как-то назвала это отделение «раем для ленивых», в который ломятся все практиканты. Мол, тут и делать ничего особо не надо, знай да обходи палаты в указанное время — больные все-равно спят. Ординаторская была не заперта и в коридор проникала полоска света, но заходить я почему-то сходу не решился. Было ощущение, что если вот так вломлюсь, а матери там нет — то сквозь землю провалюсь от неловкости момента. Однако то, что я увидел, заглянув из темноты коридора в кабинет, надолго отпечаталось в моей памяти.

В ординаторское было трое, не считая матери: два мужика в синих халатах хирургов о чем-то болтали, сидя за столом и приглушив голоса, а третий, перегнув мою маму через другой стол,

самозабвенно пер её раком, причем, судя по болезненным вздохам мамы, в попку. Оторопев, я потянул было дверь вперед, но затем быстро осекся — что я сделаю трем рослым мужикам, даже если и ворвусь к ним внезапно? Да и как потом матери в глаза смотреть. Решив немного выждать, я продолжил подглядывать за действием, заодно вытащив из кармана мобильник и включив съемку.

Закончив долбить мать, мужик расслабленно поелозил на ней еще немного, а затем натянул штаны и отошел к своим друзьям. В свете настольной лампы ясно блеснула струйка спермы, пробежавшая по маминым ляжкам, оставив пару темных полос на её кремовых кружевных чулках. — Эх, хорошо. — мужик, присев за свободный стул, вальяжно на нем развалился, вытянув ноги. — Долго ты еще с ней играть будешь, Анатолич? — Да с месяцок её так еще потарабаним, да скажу при всех, что больше нету к ней претензий за долг её. — ему ответил самый грузный из всей троицы, с торчащим из под халата на голое тело волосатым пузом. Вставая, он шумно вздохнул, словно это было для него непосильным трудом.

Но как оказалось, внешность обманчива — толстяк довольно резво подошел к стоящей раком на невысоких шпильках маме в её белом халате с перепачканными спермой ножками, без особых затруднений стянул штаны и, судя по движениям рукой, слегка надрочил член. Когда он чуть повернулся, прицениваясь к маминой попе, я опешил от размеров его палки — навскидку она была не очень длинная, сантиметров 17, но толщина просто поражала. Этот дрын был явно не меньше семи сантиметров в диаметре, и протаранить он, судя по всему, намеревался именно мамин анус.

Когда головка уперлась в тугое колечко, мама очень громко засопела и стала о чем-то тихо просить «Анатолича», но тот только усилил давление, выдавливая из мамы болезненный стон. Толстяк шикнул на неё и шлепнул ладонью по ягодице, продолжая давить членом, и вскоре одержал, казалось бы, невозможную победу — кольцо ануса с невероятным усилием, под аккомпанемент вздоха мужика и стога мамы раздвинулось, пропуская в себя эту «шляпу», а затем и продолжение члена. Анатолич продолжал задвигать в неё член, не сбавляя темпа и невзирая на тихие стоны и мольбы прекратить и дать передышку, до тех пор, пока не уткнулся лобком в мамины ягодицы. Взяв короткий перерыв, он начал размеренно долбить бедную попку, выбивая с каждым взмахом очередной болезненных вздох женщины. — Вот люблю я её за это! Почти месяц опускаем, а каждый раз в попу как первый. Он дернулся в последний раз, очень резко, а затем обмяк на маме и замер, сливая прямо в неё. немного передохнув, он махнул рукой друзьям и те кинули ему яркую упаковку влажных салфеток. — Смотрите, щас забавно будет Он резко покинул натруженное дупло мамы и подставил под него салфетку. И как раз вовремя — из зияющего примерно на пару сантиметров раздолбанного дупла напрямиком на подставленную салфетку выбежал целый ручеек спермы. Анатолич гоготнул и швырнул клочок бумаги в мусорное ведро. Мама тихо хныкала, а я приблизил изображение для видео, крупным планом взяв её зияющее отверстие с дорожкой спермы.

Мужики «опустили» мать каждый еще по одному разу, наполнив её спермой. Все долбили опять в попу, но на сей раз толстяк был последним — оба его товарища в один голос заявили, что после него как карандаши в стакан метать, так что пусть потерпит. Когда им надоел секс, они решили все-таки опустить маму и начали потихоньку собираться. Мама же так и осталась лежать на столе с развороченным дуплом вместо ануса. Толстяк, накинув майку с курткой, хотел было помочь ей встать, но резко осекся и бодро зашагал к шкафу прямо у

двери, из-за чего мне пришлось отстраниться от дверного проема, дабы не быть обнаруженным. Когда я снова заглянул, он уже стоял рядом с мамой, держа в руках толстенную восковую свечу. — Давно тут лежит, какой-то студент притащил, мол если свет отключат, дурной. зато вот, пригодилась — не испачкает полы нам тут. С этими словами Анатолич приставил свечу к маминой попе и начал буквально вкручивать её внутрь до тех пор, пока она целиком не скрылась внутри, оставив снаружи лишь длинный фитилек. После процедуры он помог маме встать, и та враскоряку, болезненно вздыхая, начала натягивать свои вещи.

Я же спешно ретировался вниз, миновав пару этажей и столик вахтерши, которой, к слову, на месте не было, выйдя на свежий воздух и сразу же закурив. Штаны предательски топорщились от увиденного, фактически, износа мамы, от её алого дупла с подтеками спермы. Я встал у машины и стал ждать.

Она вышла одна через пару минут, слегка расставляя ноги, но в целом весьма свежая. С первого взгляда даже нельзя было сказать, что её только что дважды пустили по кругу и внутри попы у неё сейчас свеча. Я, как ни в чем не бывало, махнул ей рукой и радостно окликнул, а затем крепко сжал в объятиях и чмокнул в щеку. В машине она сидела беспокойно, часто переминаясь с одной ягодицы на другую. Благо села она на задние сидения и не видела бугор на моих джинсах. Дорогу до её квартиры мы провели в разговорах на абсолютно нормальные темы, а приехав поужинали и легли спать. Уже потом, с утра, когда я уезжал, в мусорке около унитаза я заметил ту самую свечу, слегка примятую и в пятнах спермы. Решив ничего пока ей не говорить, ни о сцене, ни о снимках, я взял свечку в небольшом целлофановом пакете и, попрощавшись с мамой, поехал по делам.